

Вступление

В этой истории много действующих лиц. Молодые и старые, красивые и не очень, простодушные и хитрые, завистливые, удачливые, настоящие друзья и те, кто ими притворяется. И, конечно, в этой истории есть злодей. Настоящий. И, как часто бывает в жизни, без него и его злодейства не случилось бы важных встреч, правильных решений и настоящей любви. В этой истории все, как в сказках, и все, как в жизни, — чтобы завоевать счастье, надо победить злодея, преодолеть преграды и опереться на настоящих друзей.

Кто-то заметил, что деньги как лекарство — на всех действуют по-разному. На Олега Петровича Кочина деньги подействовали хорошо. Характер у него стал еще лучше, друзей не убавилось, пагубных склонностей не появилось. Единственная перемена, которую можно было обнаружить в нем, так это любовь к филосо-

Не разлей вода

ствованию. Но, согласитесь, это не порок. Вот и сейчас, сидя в своей гостиной и наблюдая, как рабочие пытаются расставить всю купленную им накануне мебель, Олег Петрович наигрывал на гитаре малоузнаваемый мотивчик и размышлял вслух:

— Была мечта научиться играть на гитаре. Но не было денег ее купить — родители еле концы с концами сводили. Потом появились лишние сто рублей, и не стало времени. Сейчас есть деньги, есть время, есть желание. Но не учусь и не играю. Наверное, это действительно МЕЧТА с большой буквы, из тех, которые не сбываются. Зато все время что-нибудь себе покупаю — джинсы, кеды, куртки. Все, что в детстве недоносил. Насть, ты ела каплуна?

Анастасия, молодая женщина с гривой рыжих волос, сидела напротив в кресле и, покачивая блестящей тапочкой, листала толстый журнал. Услышав вопрос, она незаметно вздохнула:

— Почему каплуна?

— У Дюма всю дорогу каплунов едят. Как прочел в книжке, так мечтаю попробовать. С двенадцати лет. Уже собственная дочь Дюма прочитала, а я все про каплунов думаю... Джинсы, кеды, каплуны... Ты заметила, у меня отсутствуют высокие устремления!

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Анастасия закрыла журнал, поскольку поняла, что от беседы ей не отвертеться:

— Они потом появятся, когда от каплунов тошнить будет.

Олег Петрович с подозрением посмотрел на Анастасию, но та была серьезна.

— Ты думаешь? Не знаю. И очень денег хочется! Еще больше. Чтобы о них не думать вовсе! Выяснилось, что я люблю деньги.

От пространной речи на тему «Деньги как жизненная философия» Анастасию спасла Лидия Александровна, элегантная, подтянутая женщина в темном классическом платье с белым воротником. Лидия Александровна руководила домом. И всеми домочадцами, включая хозяина. Со стороны могло показаться, что Олег Петрович побаивался ее, а свой страх прятал за робкой иронией:

— Лидия Александровна, вы часто думаете о деньгах?

Лидия Александровна имела стальную выдержку, словно выпускница Смольного института.

— Днем и ночью.

— Вам надо зарплату повысить! Чтобы вы могли думать о чем-нибудь еще! Я, когда был студентом, о деньгах думал даже во сне. Мне, например, однажды приснилась такая

Не разлей вода

штука, которая могла бы автоматически зубную пасту из тюбика выдавливать, чтобы ни капельки не оставалось.

— Ты же говорил, что о деньгах думал? А тут устройство какое-то... — Анастасия опять оторвалась от журнала.

— Так я за него собирался Нобелевскую премию получить. Или, на худой конец, какой-нибудь солидный грант. Как потом оказалось, сон был не в руку — такую штуку уже изобрели американцы.

Лидия Александровна, выждав минуту, произнесла со значением:

— Олег Петрович, привезли картину от Микаса Воробьева. Куда ее поставить, чтобы вы посмотрели?

— А я заказывал ему картину? Не помню что-то. Насть?

— Ему картины никто не заказывает. Микас Воробьев их пишет, а потом рассылает по частным лицам, галереям и музеям.

— Что за странная идея?

— Ничего странного. Представь, пошлет он посылкой свой пейзаж в Букингемский дворец. Не будут же они его назад ему в Москву отправлять, а он потом в своем пресс-релизе укажет: «Картины художника хранятся в собрании Ее Величества».

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Лидия Александровна, а вы еще не видели картину? Что там изображено?

— Посмотрела, поскольку предвидела ваш вопрос. Это портрет, — Лидия Александровна строго посмотрела в сторону Кочина.

— Чей?

— Боюсь ошибиться. Похож на министра сельского хозяйства. Но с четырьмя ушами.

— Зачем же мне портрет министра сельского хозяйства? А четыре уха — это, видимо, результат селекционной работы.

Анастасия выронила журнал:

— Нет, ГМО переел! Наверно, по ошибке прислал, что неудивительно, когда рассылаете художественный спам. А твой портрет — у министра, точнее, в подсобках административно-хозяйственной части Министерства сельского хозяйства. Слабо повесить министра здесь, в твоей гостиной?

— Дорогая, не раздумывая повесил бы, если бы у портрета было два уха. Четыре — перебор.

Взгляд Лидии Александровны становился все суровее:

— Олег Петрович, все же куда портрет?

Кочин вскочил, побегал по гостиной, задел большое кресло, которое рабочие распеленали из огромного вороха пленки.

Не разлей вода

— А давайте сюда, попросите Ивана съездить купить масляные краски. Я его... доработаю.

Анастасия фыркнула:

— Ты умеешь писать маслом?

— Ты с ума сошла? Нет, конечно!

Идея поработать кистью овладела Олегом Петровичем, словно он был Том Соьер перед забором. Но по-матерински строгий взгляд домохозяйки остановил его.

— Да, Лидия Александровна?

— Олег Петрович, вам напомнить, какие еще сегодня у вас дела?

— А можно после кофе?

На лице Лидии Александровны появилась удовлетворенная улыбка:

— Сейчас принесу. Олег Петрович, есть рулет яблочный, домашний, сама испекла. Если не возражаете, подам вместе с кофе?

— Да как же я могу возражать! Тащите рулет. У меня изжога от ресторанной стряпни, которая только притворяется домашней.

— Сейчас все сделаю.

Лидия Александровна почти строевым шагом покинула гостиную. Анастасия проводила ее взглядом:

— Она в тебя влюблена.

— Ты уже это говорила. Еще ты говорила, что в меня влюблена горничная, мой водитель и повар.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Относительно водителя и повара я заблуждалась.

Когда-то Олег Петрович был счастливо женат. Татьяна, его супруга и мать его дочери Али, умерла несколько лет назад. За это время дочь успела подрасти, стать студенткой. А Олег Петрович наконец устал вдовствовать и влюбился в очаровательную даму. Анастасия была умной, деловой и очень правильной. Она, понимая, что память о Татьяне, матери и жене, будет всегда присутствовать в этом доме, сумела подружиться с дочерью. Отношения Олега Петровича и Анастасии прошли все стадии. И к настоящему моменту, как всякая пара, прожившая вместе какое-то время, Олег Петрович и Анастасия уже определились с той степенью свободы в действиях и словах, которые они могут позволить по отношению друг к другу. Кочин терпеть не мог, когда его ревновали, но вполне мог пережить шутовское подтрунивание в свой адрес. Рыжая Анастасия была ревнива, как выпускница школы, переживающая свою первую влюбленность. Но страх того, что Кочин обидится, сдерживал ее. Надо сказать, Олег Петрович, человек приятный практически во всех отношениях, был совершенно несносен в состоянии обиды. Он замолкал дней этак на пять, забивался в угол, но с таким расчетом, чтобы

Не разлей вода

все его видели и все мучились от сознания своей неправоты. Все попытки заговорить с ним пресекались взглядом исподлобья. Анастасия, девушка легкая, терпеть не могла подобных домашних бойкотов. По ней уж лучше было разругаться в дым, а потом страстно помириться. Поэтому, когда вслед за Лидией Александровной, несшей поднос с кофе и огромным аппетитным рулетом, вошла горничная Оксана, Анастасия подобралась и нацепила на лицо ехидную усмешку. Не успела домоправительница покинуть гостиную, как Анастасия уже залезла под салфетку и стянула огромный кусок рулета. Аппетитно жуя, она с интересом наблюдала за маневрами горничной.

Оксана, это бойкое дитя херсонских степей, загорелая и круглолицая, стрельнула глазками в сторону Кочина:

— Разрешите, я соберу бумагу и пленку?

— Разрешаю. — Олег Петрович был занят выбором рулета, а потому не смог вполне оценить риски предстоящего мероприятия.

Следующие пять минут все собравшиеся могли любоваться грацией и гибкостью горничной, которая, поводя своей коротенькой юбочкой и стараясь двигаться как можно соблазнительней, собирала огромные рулоны упаковки. Олег Петрович позабыл даже про рулет — так подеи-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

ствовала на него уборка мусора. Лицо Лидии Александровны было непроницаемо, Анастасия же не выдержала:

— Лидия Александровна, вы не думали о том, чтобы сменить форму горничных? На мой взгляд, платье мешает им работать. Одного передника было бы достаточно.

— Если мне дадут такое распоряжение — выполню незамедлительно. — Домоправительница была невозмутима.

Горничная Оксана понимала, что именно она сейчас в центре внимания, а потому не торопилась. В кои-то веки кто-то оценит твой нелегкий домашний труд. Но, на ее беду, раздался телефонный звонок, и Лидия Александровна поспешила в кабинет, а за ней туда проследовал и Олег Петрович. Оксане стало как-то неинтересно, грациозность и пластика сменились порывистыми грубыми движениями. Что, естественно, не могло укрыться от Анастасии:

— Вы бы, голубушка, сразу в таком темпе! А хотите, я этот журнал изрежу маникюрными ножницами — фронт работы на целый день, а может, еще на ночь?

— Ночью — это не работа, это удовольствие, — ответствовала Оксана. Горничные очень хорошо знают, кому можно дерзить, а кому нет.